

„Сибирской Жизни“

Во воскресенье, 2-го апреля 1906 года.

Жа прадзидкь.

(Рассказ).

Весна была ранняя и на последних днях марта природа быстро отчулась от своего долгого зимнего сна и с каждым днем как-бы стравляла вознаграждение себя за свой долгий покой. Каждый день ярко светило солнце и сильно пригрывало замерзшие покровы земли и под его чудотворным дыханием в лесах и на полянах образовались большие прогалины, увалы обнажились от своей зимней одежды, и распухшие почки деревьев распространяли тот ослепляющий запах смолы гorchя и аромата, от которого так хорошо дьлется весною в лесу. Из влажной сильно пригрываемой земли уже показались зеленые и гибкие стебли черемухи, не распустившиеся еще листочками начинали показываться по скатам; ручьи журчали по всем направлениям чистые, прозрачные, как-бы вода между собой и окружающей природой какой-то таинственный разговор и, падая каскадами в уикй разрыв, соединялись в большой поток, который нес колкие камни, старыми нарезаны и подмывая глиняные пласти разрыва, зарыленные уже, несся с шумом, полным торжества и могущества. А как хороши были издали горы, окутанные фиолетовой дымкой! Они сияли по всем направлениям, и красивые, рвущиеся глаза своей ослепительной близостью они еще более придавали им красоты. Вь воздух пахнуло дымком. Это ходили палы, которые с наступлением ночи производили сказочную иллюминацию в горах. Огненные денты бегали там вверх и вниз, в некоторых потухали и мерцали, но другие вблгали кт самым сопкам, соединялись между собою и быстро разбрасывались вь сторону. Казалось, что-то невидимый бьтал по уснувшим горам и разбрасывал кругом эти яркие чудные огни.

Вь один из подобных чудных весенних дней на Уроль, присяж Шальманова шла оживленная дьятельность. Воды было теперь много, почва отмыкла, и работы шли полным ходом. Уже далеко от стана слышен был гул промывальной бочки и дьязь бутарь золотичников. Хиурры зимю лица прискаателей теперь оживались и не глядели так мрачно. Даже промывочная лошадь и ть глядя бодро, чувствуя привольный подвожный корм. Самое большое оживление, шум и говор, происходили около золотопромывальной машины. На мость непрерывно тинулась вереванка таратаек с песками, которая с глухим шумом сваливалась вь люк машины, и порошная таратайка неслась вь разрыв за новой добычей. Шумь воды, падающей со слопток на колеса машин, гул бочки, вертепелся и пробуждаящий песни, грохот таратаек—была настолько сильна, что заглушала собой нестоые крики и ругань возниц и люковых и ржане лошадей. Иногда вьзну раздавался как-бы гром: то отвалный Васка Бычкен оторвал ставень бочки и оттуда с треском смочалась вь подставленную таратайку начето промытые валуны и крупные гальки и камни, которые Васка отвозил на ближай отвал.

Солнце стояло уже низко, было часов 7 вечера, уже подхлывал вь замру, урки кончалась. Флаг на машинь медленно опускался, и рабочие вь разрыв стали распрядать лошадей. Несколько десятков людей вь равных, вымочанных глиной зинуках и аржанках на плечах потнулись вь разрыв. Углубился за день тяжелой земной работой вь разрыв, окрипшие от вьчно стоящих там руган и перебранки, шли они группами и вь одиночку по направлению кь своей казармь, гд вьх ожидал уикнь и отахь. При входь вь казарму, при видь котельков сь ждой и закипающим чаем усталы лица рабочих релганажились и

разнообразный говор шел по казармь. У канала теперь на открытом воздухе около казармы. По мьр углоения голода оживание все более распространялось. Шутки, говор и смьхь увеличивались. Хотя пожилые рабочие завалились вь казармь спать, а вькотные, наскоро поживши, пошли на увалы искать черемуху, этот ламоний толк сонякинков, вь большая часть рабочих оставалась на площадке около казармы. Все это делало и сидьло.

У гроба Господня.

Вь воздухе стоял оживленный говор, смьхь и шутки; посмачались ржане уикнь гармонии, на которой играл Яков Ильяч, первый весельчак на стану, музыкант и плясун. Около него собралась кучка артадей и наладждалась его игрой. «Наряная, наряная, Иша, веселе!»—сь оживленным лицом и жестами выкрикивая молодой парен сь жидкими лыжными волосами и бороденой. «Подьса, так веселе будет» —отозвался тот. «А плясать сумьель?» — Да гдь тебе толконнику, им сь Ваской только таратайки сосукают умьето—насыбилао засьмьлся онь. «А вь дорою ребята,—обратился Яковь кь окружающим,—влетьло давеча Васкь оть смотрителл! Ха-ха-ха! Какь вьлеть Васкь вь ухо, такь вь того аино искры посмьчались вь глазь. Стрась! Такь сь ногь прямо залял!»

«...И дошли мы значить до почки,—повьствоваль призьмьстай сь обьтвренньм лицомь рабочь,—работаль я тогда на Аба-

кавь. Становой созваль артель, подаль самолично каждому порцию и обявляль всемь, что скоро оторветь промьнку. «Старайтсь ребята, порадуемь хозяина, вь расчеть надбавка будеть, только смотри-те подметное сдать вь контору по 2 р. 50 к. за золотник, иначе, худо будеть—задрю!» «Ладно, сказали мы: какь можно, Ивань Митрач, такля художества прода-ывать». —«То-то, говорит, запомните ребята».

И началсь братны промьнка. Золото оказалось вь то льто богатйшее сверхь смьтв 17, пуда намыли. Я тогда стоить сь Игнатьем Мухомь вь разрывь. Я был вь забоя, а онь возикомь. Кайлишь, бывало, глянь—сверкнеть таракашик, а то другой раз и крупная золотика. Конечно и вьду не подашь, а скорьбь скривьт. А служки на борту и казначини наблюдають... Только мало имь отдавали чертмь,—вь сторону шпанку сдавали по 3—50. Хоронь тогда поправлялся. Я вь расчеть, когда вышеть на релгандию *), на 700 р. золота сбьт... и погулял-же мы тогда, брать, вь расчеть, охь и здорово!

а теперь стой: безь приговора артели не будешьильмовать, а сдай уркинку, да какь испривань еще присудит! Какь ни какь, а все-же лучше стало теперь рабочему: и защита есть и такса: Пренде; бывало, возьмьшь вь примьру, за кумьчеву рубашку по 2—50 брали, а теперь—пашли!»

— Воть фарть у кого, такь фарть,—продолжаль онь,—вь старого Митгалм на Барачках. Живеть два года на стану, караеть пустяк казармы да старетась.

— Да, подя набьлз монну, поткомь—анкуртатный старчечек, не пошйида и одинь какь персть,—сказаль Будирьмь.

Среди рабочихь началсь оживленнее толки про старого караульного Михайла жмшанго на заброшенномь присяж. Среди прискаателей ходила молва, что у старика должны быть большы деньги, такь какь онь жиль аккуратно и промываль на бутарь богатил по сохранению эфеяа когда-то грешиваго приска.

«... И вадь вьлеть чернаго гьтута и свареть его вь поличь вь бань, а потомь вьзять его за пазуху и итти сь нимь вь разрывь да и пристуить... Конечно, нечистая сита кругомь тебя будеть размырять, а ты не бойсь. Возьми лопату да и...»

— Ха-ха-ха! Олеть Бугаевь про золотого коня мьлеть,—засьмьлся рабоче и подошли кь расказачку, низькомую старому человеку сь валодь грудью, который сь таинственнымь видомь расказываль старую легенду молодому рабочему Калининь, наприжнено его слушающому.

— А что-жь, «онь» вьдь есть, только надо его сумьть вьзть,—обьженнымь тономь возражаль подступивший расказачик.

— Мели емьля-твою подьля... да ты его вьвиль коня-то золотого?—насмьшливо проивьль Яковь.

— Да вьдь старика давю бають...

— Вають!—засьмьлся тоть и доба-влял.

— Эхь ты, человекь желторотый!

— А я сь тобой—драннымь чортомь, и говорить-то не желаю,—запальчиво сказаль Бугаевь вь подь свисть и ухаево наемьшниковь скривь сь вь казармь.

— Ну вь чудило этоть Бугаевь,—сказаль сьмьлся Яковь.—Вь прошломь году мнй прилось сь нимь работь на Сарат. Шля такь орты, потому жила шла вь гору. Со мной вь просьбчкь быль и Ванюха Щеголь. Только сталь я замьчать, что какь кончеть урокь и мы выдемь изь орты, что-то сталь замьшнваться вь просьбь Бугаевь, а Щеголь, воркй парнишка, да и подкараулил того. Что-же оказалось? Бугаевь, когда мы всь выдемь изь просьбки, вернетсь туда огляндитсь кругомь какь пугайый зайць, попомпечеть, вынеть что-то изь-за пазухи, положит вь забоя, да и драво назадь. Забрало насть любопытство сь Ванюхой и подкараулили мы его на мьсть, а какь онь собралсь уходить, дали незаметно стрекча, а потомь забралсь вь орту, а что-же, глядимь: вь забоя лежать калачики! Посмьчались мы здорово тогда, вьзял калачики, да ушли...

— Охо-хо-хо!—надрывались рабоче.

— Это онь значить горнюв уду бриваль!

— Ну, значить, это онь прилетьт на другой день вь просьбку, выдуть калачиковь вьт и доволеть значить вьзть горный, а намь сь Ванюхой моченьки вьт.—смьшно! И долго мы таскали его калачики, да ужь не вь могуто стало—расказали всея артели. И посмьчались-же тогда, страсть! Всьхь насмьшаль Бугаевь, на то становой—серьезный человекь, и тогда покаты-вался со смьху.

— Потышый старичек, это вьрно, и все нуцеть шпанкую,—сказаль Яковь.

— А какь моего?—обратился онь кь подошедшему изь соседней казармы золотничку.

— Да ничего, мало-мало моемь.

— Золото моемь, сама сь голоду воьмьт,—засьмьлся Яковь.

— Что намь Васонька не весель, что голошунку повьсвят,—раздалось около отвалного Василля, который вь сторону оть всьхь легаль, закрывшись равнымь полушубкомь, погруженный вь задумчивость.

— Чего пристаеть пси, ступайте прочь!—заговаривать тоть злобнымь голосомь отьверьялась оть подошедшихь.

— Ну и пост, ахь и пост-же ты Васка! кь тебе похотьвечески, а ты даешь. Ну и по дьломь тебе смотрительь сегодня смазаль, не такь еще надь тебе...—сказаль Яковь.

— А ну его кь лягу: варнакь такь варнакь и есть. Охо-хо-хо-хо, спать ребята, спать, угро вечера мудренее.

* Такь называется то село, гдь живуть золотопромывальники и прискаатели золотничков.

Рабочие стали расходиться. Ночь уже наступила, и небо покрылось яркими звездами, которые своими мигающими, крошечными ослепляющими светом. Ночную тишину нарушала только шум горных ключей, да гд-то въ перелесках слышалось унылое сова. Вдали по горам сверкала огоньки палаток. Отвальный Васяка все еще лежал около казармы, но не спал.

Василь Бычков, или Васяка, какт его все время звали, был парен лѣтъ 25. Онъ родился и выросъ въ тайгѣ, такъ какт отецъ его былъ тоже прискакателемъ. На видъ это былъ малый среднего роста, съ узкими плечами и большими мускулистыми руками. Онъ родился и выросъ въ казармѣ и казарма валовилась да него, особенный отпечатокъ.

Глаза его худощавое смуглое лицо съ низкимъ лбомъ, съ какими-то наглыми, выжидающими выражениемъ черныхъ пронизывающихъ глазъ, можно было безошибочно судить, что это испорченный человѣкъ и въ этомъ нельзя было ошибиться. Безалаберная жизнь прискакателя рабочего въ среднѣ „вольной каторгѣ“ испортила Васяку въ концѣ. Онъ также изъ года въ годъ плылся по прискамъ и танже, какъ и его товарищи, ежегодно, получивши послѣ операцїи расчѣтъ, выходилъ на ревиденцію и предавался разгулу, пропивався до послѣдней копейки. У него былъ привиравый и истеричный характеръ. Издѣвательство надъ товарищами, съ стремленїемъ кому

тачку и нагружаясь есѣшкомъ съ важными видомъ вѣзъ на примучку къ бутарѣ. Набравшись за день, гриный и голодный онъ возвращался домой и, наскоро поевъ, забирался къ отцу на парь и засыпалъ безмятежнымъ сномъ. Счастливое время! — Уду,—повторялъ онъ.—Онъ мечталъ, какъ онъ живитъ въ сѣтѣ. Въ подвѣдѣ и опослѣ съ наборомъ, онъ лихо катитъ на парь по ослу. Бубенчики звенятъ, рывымъ лошади быстро мчатъ толжжю, и прохонїе даютъ дорогу и одобрительно оглядываютъ и его и лошадей. Къ нему относятся теперь съ уваженїемъ, такъ какъ онъ состоитъ въ кучерахъ у урядника. Хорош!

... Или вотъ еще... — Заспался лѣшїи!—И грубымъ толчекъ сапога въ бокъ мгновенно вывелъ его изъ сна и аллюю. Машина уже шла полнымъ ходомъ и, быстро наладивъ таратайку, онъ подѣлжалъ къ своему локу.

Настала суббота, когда работы предполагалось кончить до обѣда, такъ какъ многие рабочие и слушанїе уѣзжали на праздники. Въ 4 часа утра по обыкновенїю явился въ казарму парадничкѣ „выгонять народъ“ на работу.

Васяка нигда не окаялся. Еда только забрежжѣть свѣтъ, онъ, натянувши на свои плечи котомку, ушелъ со стана. Ему хотѣлось засвѣло прїйти въ село, до которого было 30 сляшкѣмъ верстъ. Онъ шелъ сторовой отъ грядной дороги и тамъ,

— Что-жъ, наше дѣло!такое. Волка поги кормитъ,—отозвался Спиридоновъ.

Кармыкы вынулъ изъ мѣшка жареную баранину и началъ раздѣрывать ломти.

— Выпить надо передъ закуской, какъ думашь?—спросилъ Спиритоновъ.

— Хорошїи спиртъ нынче отсуствалъ мѣлїи складчикъ, прямо скажу горло дереть,—и онъ, доставивъ фляжку, поднесъ Васякѣ небольшую рюмку спирта.

— Ладно таки,—одобрѣлъ тотъ, проглатывая спиртъ.

—То-то что ладно,—сказалъ Спиридоновъ, наливая себѣ полный стаканъ спирта.

— Самъ-бы пить, да деньги надо,—засвѣлся онъ. При видѣ спирта у Васяки зевосало подъ ложечкой.

— Ну ка, наливай мѣбъ стаканчикъ.

— Не для васъ,—презрительно отвѣтилъ тотъ.

— Да вѣдь залучу, ироты!—крикнулъ Васяка.

— Заплатишь, такъ и выпьемъ. А что развѣ у тебѣ есть чѣмъ отплатъ?

— Хватитъ!—хвастливо отвѣтилъ Васяка, подложивъ пальцо по голенищу бродяги.

— Почему возмешь?—обратился онъ къ Спиритонову.

— Самъ знаешь: 3 р.

Васяка вынулъ изъ голенища трилку и сталъ ее развертывать. При видѣ золота спиритосова заблѣгала и онъ, проворно вынулъ изъ карманъ маленькїе всѣи, положивъ на нихъ саморкотъ. Всѣи трое об-

Всѣ предвѣгиваю глазахъ его [раслаивались въ какомъ-то туманѣ, а страшная бѣдность все болѣе завлакивала его лицо.

— Пей!—зымался не голосъ, а какой-то ревъ и кто-то наливаетъ и подноситъ ему...

И съ кошмономъ расчелся—

Ничего намъ не пришлось...

Силится онъ загнѣтъ, но все кругомъ закружилось, и онъ безъ сознанїя упалъ ничкомъ на землю.

Была уже ночь, когда онъ очнулся и открылъ глаза. Онъ не могъ сразу понять, гдѣ онъ. Сильная боль въ головѣ и дрожь по всему тѣлу наполнили его о недавнотъ кутежѣ. Спиритосовъ же и слѣдъ проствылъ. Съ трудомъ вставши на ноги и по качиваясь, добрался онъ до протеканной въ нѣсколькихъ шагахъ ручья и пригоршню стали обливаетъ себѣ голову холодной водой. Это его нѣсколько оживило. Ахъ, поддены спиритосова, вотъ назаванъ, ажно башка трещитъ!—вымогала онъ и, усажившись около полухажъ костра, вынулъ изъ карманъ и началъ свертывать крѣчь съ махоркой. Тутъ онъ, вспомянувъ, что продалъ золотинку и у него есть деньги. Онъ сразу повеселѣлъ и повѣзъ въ карманъ за деньгами, но изъ-за тѣмъ не окаялось. Онъ сталъ искать за голенищами бродяги, тамъ тоже ихъ не было. Хѣль быстро выскокитъ у него изъ карманъ.

— Ограбили! Наволи! Ограбили!—завылъ онъ, повалившись на землю...

— Аляфемъ, ироты каторжнїе!—въ изступленной злобѣ ругался онъ, катаясь по землѣ. Горькое разочарованїе, злость за неудачу, на спиритососова, на себя, на весь мїръ омядѣли наъ. Ему попалась на глаза пустая бутылка, и со злости онъ разбалъ ее въ мелкїе дребезги, озираясь кругомъ воспаленными глазами, какъ бы стараясь и яна на комъ вымѣстятъ свою злобу.

— Пропойна подлая, но сумѣвъ удержатся,—шептал онъ злобно, вспомянувъ гдѣ бы.

Въ своей безысходной ярости онъ былъ укаченъ. Тяжелыи мрачными думъ омядѣли наъ, но вдругъ онъ что-то вспомянулъ...

Да вѣдь отсюда до Баранчакъ рукой подать.

Тамъ старикъ каравулный Михайло. Онъ одинъ... У старика есть денга...

Вотъ если-бы... Да никто и не узнаетъ...

Какое то зѣвское смѣлое намѣренїе овладѣло всѣмъ его существомъ, и онъ быстро вышелъ изъ оврага. Идѣ теперь рѣдкимъ перелѣскомъ, онъ что-то говорить самъ съ собою, возбужденный и стремлїица къ намѣченной цѣли. Ночь была очень темная. Онъ шелъ напрямки, и вѣтви деревьевъ часто его хлестали по лицу. До Баранчакъ оставалось уже немного. Скоро, скоро—думалъ онъ, и засыпалъ его всею, но вдругъ земля исчезла изъ-подъ его ногъ и онъ полегѣлъ въ качую то страшную бездну.

Связь представителей высшихъ техническихъ учебныхъ заведенїи въ февралѣ 1906 г.

нибудъ досадить изъ нихъ, доставляло Васякѣ какоето особенное наслажденїе. Такъ, иной разъ ночью во время отчаянной маршевой игры въ казармѣ, которая прииковой администрацїей строго воспрещалась, онъ незамѣтнымъ образомъ завалъ нѣтъ парадничку, или вылавывалъ ночью отлучку рабочикъ изъ казармы, которые бывали чоме бродяги или „подземное“ гдѣ-нибудь на сосѣднемъ стану въ обмѣнъ на спиртъ. Въ общемъ Васяку рабочїе ненавидѣли и иногда жестоко били за его художество. Влетало ему и отъ служакъ, и еще сегодня онъ получалъ нѣсколько затрещинъ отъ смотрителя за то, что неосторожно спустить съ ствала таратайку съ лошадей, которая получила сильный ушибъ. Иногда Васяка надѣлывалъ тяжкую жизнь и онъ уходилъ на ревиденцію, но, пошатываясь тамъ нѣсколко дней безъ дѣла, и не зная за что вѣзаться, онъ возвращался опять на приски.

Сталъ послѣднїи дни передъ Пасхой. Работа на прискѣ шла заводнымъ порядкомъ. Уже многие рабочїе мечтали о праздничномъ отдыхѣ, такъ какъ на Святой недѣлѣ на прискахъ не работаютъ 3—4 дня. Въ этомъ случаѣ не руководило одно только желанїе „погулять“—накъ его понимаютъ рабочїе, т. е. попольствоваться на сѣбѣ,—но являлось желанїе побавать въ перкви, повидѣться съ знакомыми, отдохнуть и хотъ на время вырваться изъ тайги. Отвальный Васяка послѣднїи дни находилъ изъ какой-то задумчивости. На лицѣ его попеременно выступали выраженїи: то утробное, то веселое. Съ утра и до вечера раздѣлывалъ онъ на своей таратайкѣ отъ машины къ отаву и иногда что-то говорилъ самъ съ собою

— Уду совсѣмъ,—мечталъ онъ, лежа въ подвѣдѣ послѣ обѣда около своей таратайки.

— Надѣлѣ проклятая жизнь на прискѣ въ вѣчной свѣрѣ со всѣми... Да и будеть на что погулять празднично...

Лицо его расплывалось отъ самодовольной улыбки и онъ полузрительно и горделиво вытаскивалъ и т-за голенища бродяги „что-то“ завернуто въ тряпку и быстро оглядываясь, опять пряталъ. Чувство недавней обиды и побоевъ быстро смялось, воспоминанїи далекаго дѣтства, которое какъ изъ тумана вымывало передъ нимъ. Онъ видѣлъ себѣ маленькимъ мальчуганомъ, беззаботнымъ. Мать, молодая, но веселая женщина постоянно что-нибудь работала, а онъ Васюшка игралъ гдѣ-нибудь недалеко отъ нея или же бѣгалъ по ствану и собиралъ въ ключѣ мушкетри. Иногда-же, наскучивъ играть, онъ, подражая старшимъ, воображалъ себѣ взрослымъ, братъ

гдѣ дорога дѣлала извилины, шель напрямки. Уже солнце стояло давно за полдень и онъ пропалъ болѣе пологими цуга, когда, поднявшись на перевалъ горы, онъ увидѣлъ внизу въ оврагѣ небольшой разложившей кострей и около него людей. Утомленные ноги просили отдыха, а прокутившїе голодъ, такъ какъ онъ ничего еще не ѣлъ въ этотъ день, заставили его свернуть въ оврагъ. У костра оказались двое. Одинъ лежалъ недалеко отъ костра и, закрывшись выцѣпнымъ байковымъ одѣяломъ спалъ, другой-же небольшого роста, съ раскосыми глазами, жидкой бородой и съ хитрымъ выраженїемъ поджоганного смуглаго лица хлопоталъ около закипающаго чайника. Васяка сразу узналъ въ спавшемъ поселена Спиридонова и его неразлучнаго спутника татарина Кармыку, спиритосовъ, извѣстныхъ многимъ рабочимъ.

— Здорово Кармык!

— Здравствуй, здравствуй другъ,—ослабился татаринъ, показывая желтые стертшїе зубы.

— Куда пошла?

— На праздникъ пошла?

— Гулять пошла? Угъ карашо! Балшой праздникъ, смѣло большої!—Затараторилъ онъ.

— Вставай бачка, чай скипѣтъ,—обратился онъ къ лежавшему.

Всклопяная голова спавшаго открыла глаза, и большой неуклюжїи Спиридоновъ поднялся съ земли.

— А! Урольскїи! Добро жадовать!

— Ну, что слышать? Какъ у насъ тамъ? Говорятъ, сильно морозъ? Фартитъ поди ребята?

— Кому какъ,—уключиво отвѣтилъ Васяка и добавивъ, разсвѣившись:

— То-то вы ползете съ Кармыкомъ. Зачуяли!

стували всѣи съ золотинкой, въ которой оказалось семь золотинковъ.

— Здорово тебѣ, братъ, дохуло,—сочувственно сказалъ Спиридоновъ, отсчитывая денга и полаяя ихъ Васякѣ.

— Спирту-то сколько налить?

— Два бутылку. Совсѣмъ заморилася.

Съ утра не ѣлъ вѣтъ...

— И не пить,—засвѣлся спиритосовъ, подавая ему бутылку спирта.

Васяка залпомъ проглотилъ стаканъ кривчана спирта и почувствовалъ, какъ по всему его тѣлу прошло прїятное, согревающее ощущение.

— Закусывай, бачка!—и Кармыка половдннулъ наръванные ломти баранины.

— Эхъ выплю самѣ!—Спиритоновъ налилъ изъ боченка бутылку и поставилъ рядомъ съ бутылкой Васяки.

— Выпьемъ, любю хорошахъ людей!

Лицо Васяки теперь раскраснѣлось, а сладкая атмосфера опьяненїа все болѣе распространялась. Теперь уже отъ выцѣпныхъ нѣсколькихъ стакановъ спирта чувствовалась нѣкая то легкость и слабость. Спиртъ и чистый воздухъ опьяняли быстро. Въ головѣ у него сильно шумѣло. Чувствовалась потребность говорить, шумѣть, кричать, но вслѣдъ за тѣмъ быстрый подъемъ духа сменялся страшною слабостю и лицо его поблѣдѣло.

Есть по черному Юсу,

Въ праву руку отъ него,

По теченїю въ праву руку

Есть Покровское село.

Не зовутъ селомъ Покровскимъ,

Называютъ Чебанъ,

А живутъ тамъ инородцы

Настояща чуданъ.

Пѣлъ онъ напряженнымъ голосомъ. Онъ чувствовалъ какъ будто отдѣляется отъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ казалъ-то страшная тяжесть все болѣе овладеваетъ имъ.

Черезъ два дня какой-то пробажующїи по тайгѣ инородецъ, заслышавъ стонъ, несущїи отсюда то изъ-подъ земли, вывелъ положиваго Васяку изъ глубокаго двухсаженнаго шурфа *) и доставилъ его на ревиденцію. У Васяки оказалось сломанной нога и его положили въ больницу. Черезъ два мѣсяца онъ вымелъ оттуда, но теперь это былъ уже не тотъ человѣкъ. Несчастїе, случившееся съ нимъ, повалило на него лагаторию. Его осунулись, исхудало лицо и кроткїи взгляды глазъ не маломалия пружинало.

— Грѣхъ-то, грѣхъ какой рѣшилъ сидѣть г въ святую почъ, и наказалъ меня Господь по-дѣломъ,—покачался онъ батшомъ и далъ ему клануть не пить больше.

Старикъ священникъ наложилъ на его вѣтанїю и по его просьбѣ взялъ его каравулнымъ въ перковъ. Теперь Васяка живеть въ перковой сторожкѣ и закнѣтень трапезника. Онъ не пропусаетъ ни одной службы, поетъ на клиросѣ и всѣмъ очень доволенъ.

Анатолїи Архьякъ.

*) Рабочьями изобрѣтенной формы ика.

Редаторъ-издательскїи { Соболевъ,

Малышевскїи.